

Кубанский писатель

Поэзия есть высший род искусства.

Виссарион Белинский

№ 8 (63)

август
2012 года

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России. Выходит с 2005 г.

ПАНОРАМА

22 июля в каминном зале МБУК «ЦК «Родина» г.-к. Анапа состоялась творческая встреча поэтов, членов литературно-художественных объединений «Парус» и «Авангард». На вечере присутствовали почетные гости из Амурской области – член Союза писателей России, основатель Дома писателя в г. Белогорске, поэт Сергей Сергеевич Сонин и белогорский поэт и композитор Владимир Николаевич Володин, познакомившие анапчан со своим творчеством. Гости и зрители услышали стихи недавно переехавшего в Анапу из г. Пскова поэта и прозаика, члена Международного сообщества писательских союзов Виктора Ивановича Фокина, члена Союза российских писателей

и Союза журналистов России Сергея Лёвина, руководителя ЛХО «Парус» Надежды Казаниной, руководителя МЛХО «Авангард» Ольги Хомич, молодых авторов Татьяны Ефимовой, Андрея Сарова и Никиты Францева. В каминном зале звучали музыкальные произведения в исполнении членов творческого объединения композиторов «Орфей», известного анапского барда Алексея Дёмина и композитора Владимира Добрынина, членов молодёжного объединения «Авангард» Никиты Францева и Максима Кутина.

Присутствующим был представлен вышедший в свет шестой номер альманаха «Парус», презентация которого состоится в сентябре 2012 года.

«Клюфф» побывал в городе-герое

Ветеран войны, штурман дальнего плавания, системный аналитик крупной корпорации, монах, журналист... Таких разных людей объединил 28 июля в Новороссийске Краснодарский краевой клуб любителей фантастики и фэнтези («Клюфф»). Выездное заседание прошло в галерее «Прима-Юг», расположенной в центре города-героя.

В результате завязалась оживленная дискуссия, в ходе которой выяснилось, что этот южный город – настоящий клад для историков и археологов, и, разумеется, для писателей-фантастов. Поскольку сюжеты здесь буквально лежат под ногами. Свою точку зрения высказал и отец Иллариий, предпочитающий научной фантастике – фэнтези,

Вначале с интересным и познавательным докладом выступил системный аналитик Каспийского трубопроводного консорциума Игорь Гаршин. Как человек давно увлекающийся историей, он рассказал неизвестные факты об Ахиллесе, родиной которого возможно была Тамань. Очень необычным был и рассказ об истории Цемесской бухты. Он подкреплялся картой, получить которую мечтал бы любой дайвер. Потому что Игорь обозначил на ней места, где с помощью приборов легко «вычислялись» древние храмы, которые теперь находятся под водой.

Руководитель творческого объединения «Русское слово» Лариса Довгая дополнила рассказ докладчика сообщением о мистических местах Новорос-

и являющийся автором уже двух романов в этом жанре. Поделится своим мнением ветеран войны, автор более чем тридцати книг Георгий Георгиевич Савенков. Несмотря на то, что уже давно перешагнул восьмидесятилетний рубеж, Георгий Георгиевич открыт всему новому и интересному. Председатель «Клюфф» Маргарита Епатко подвела итог заседанию, сообщив о проводящихся клубом конкурсах для писателей. В итоге гостеприимные новоросийцы предложили провести еще одно заседание клуба в их городе осенью.

«Клюфф» приносит благодарность галерее «Прима-Юг» и лично Людмиле Шалагиной за предоставленное помеще-

КРАСНАЯ – НАША ДУША!

На улице Красной платаны
Мне шепчут: «Как жизнь хороша!»
Нет города в мире желанней,
Здесь полнится светом душа...
Мне с внуками люблю гордиться
Делами моих земляков...
И будет кубанской столицей
Мой город во веки веков!

Светлана Медведева

Любой город – это творение рук человеческих, это постоянно молодеющий живой организм. Но его бережно хранящиеся морщинки несут в себе много тайн. И как меняется в нашем воображении город, в котором живёшь, после того, когда узнаешь биографию его уголков, зданий, удивительных людей, живших здесь и создававших эту красоту. Каким чудесным становится всё вокруг. И ты заморожено попадаешь в исторический плен архитектурного обаяния родного города. Не верите? Спросите у любого кубанца – какое место мира самое красивое, и он обязательно вам ответит: «Краснодарская улица Красная».

В Краснодарском Доме учёных состоялась презентация книги-путеводителя «Всей семьёй по Екатеринодару». Его приятно держать в руках, он компактный, эдакий удобный экскурсовод по улице Красной, которая строилась и формировалась в конце XIX – начале XX вв. К счастью, на этой улице ещё есть живые свидетели чудного времени расцвета Екатеринодара.

Место, откуда начинается прогулка по Красной, – южная часть Екатеринодара-Краснодара, возвышенный берег, где Кубань делает поворот. Именно здесь и была построена крепость (Крепостная площадь, ныне – это территория детской краевой больницы). Ближе к берегу стояли высокие сторожевые вышки, по периметру – одноэтажные кирпичные строения. Всё пространство от крепости до близлежащих жилых кварталов называлась «Крепостная площадь». Со временем площадь уменьшалась за счёт застройки, и свободным остался лишь Екатерининский сквер. Крепостная площадь была главной. На ней проводились парады и смотры войск, скачки и торжественные празднования и даже торговые ярмарки, на которые съезжались жители станиц и горцы.

От Крепостной площади начинались когда-то почти все улицы Екатеринодара. И улица Красная в том числе, как говорили раньше, упиралась в нее. Народное предание гласит, что весной 1793 года в южной части Карасунского кута, там, где казаки построили крепость, прорубили в лесу и широкую просеку, по ней провели плугом первую борозду. Эта борозда, как говорят очевидцы, и стала впоследствии улицей Красной.

Войсковой Собор Александра Невского, усадьба архитектора Василия Филиппова, дома нотариуса Антона Ялового, купца Акулова, архитектора Маламы, армянская школа, дворец инженера путей сообщения Батыр-Бек Шарданова и многие другие здания сразу оживают, когда узнаешь историю их хозяев. Из этих исторических крупинки нашей малой родины складывается правдивая и величественная история России.

– Создавать такого рода увлекательную, красочную книгу – колоссальный труд, – рассказывает одна из активисток Краснодарской краевой женской общественной организации социальной поддержки семьи

«Бажена» Л. А. Максименко. – Нам помогли очень многие кубанцы, особенно казачья эмиграция. Свои семейные архивы, документы и фотографии выслали отовсюду. Но главную материальную помощь осуществил мэр нашего города В. Л. Евланов. Низкий поклон Владимиру Лазаревичу за поддержку и понимание в необходимости издания такого сборника. Уже приходят первые положительные отзывы на книгу от жителей и гостей столицы. Именно такую цель преследовала наша организация, в которую входят любящие свой край женщины: Светлана Андреева, Галина Иноземцева, Ирина Гладкохатая, Екатерина Грабельная и Наталья Дмитренко. Спасибо всем.

– Мне как профессиональному редактору хочется, во-первых, отметить безукоризненные прекрасные полиграфические качества книги. И второе – книга интересная, замечательный содержательный, иллюстрированный материал, сразу видно, что сделана с огромной любовью к своему городу и людям, – высказал свое мнение заслуженный журналист Кубани И. П. Лотышев.

– Я уверена, что эта книга послужит великолепным дополнением в образовательном процессе и для школьников, и для студентов, – отметила в своем выступлении председатель общества краеведов профессор КГУКИ Н. А. Коновалова.

На презентации присутствовали известные краеведы, почетные ветераны города и члены литературной гостиной КубГТУ «Светлана».

Мира Гукасова

СЛАВЯНСКИЙ МИР

Василий БЕЛОВ

РОЖДЕННЫЙ НЕПОВТОРИМЫМ

О художественном образе из книги «Лад»

*Болящий дух врачует песнопенье,
Гармонии таинственная власть
Тяжелое искупит заблужденье
И укротит бунтующую страсть.*

Е. Боратынский

— Какова жизнь? — спрашивают при встрече.

— Все ладно.

Ответ один, если действительно все ладно. Хорошую жизнь пронизывает лад, настрой, ритм, последовательность в разнообразии. Такой жизни присущи органичная взаимосвязь всех явлений, естественное вытекание одного из другого. И наоборот, плохая жизнь — это *разлад*, хаос, кавардак, сбой, несурезица, неосновательность, «пошехонство». Про такую жизнь говорят, что она идет через пень колоду, шиворот-навыворот. Ей во всем сопутствуют спешка и непоследовательность, следствием чего является *дурное качество*, то есть страдают при этом в первую очередь красота, эстетика.

Отсюда сразу напрашивается довольно опасный для рационализма и ширпотребя вывод: много и одинаково — это значит дурно, неэстетично. Мало, но с душой и по-разному, значит, хорошо, красиво, *неповторимо*. И речь здесь идет не об одном лишь труде, но и о быте, о стиле жизни вообще. Искусство проявляется всюду, где существует жизнь, а не только в круге, ограниченном художественным творчеством. Стройность и красота не в одном только труде противостоят непосильности, тяжести. Тяжело и непосильно тогда, когда не умеешь красиво трудиться, когда неумен и недогадлив, когда не хватает фантазии и терпения. Но разве не так же бывает, например, в быту или в общественной жизни?

Все точь-в-точь.

Красота в мире — это разнообразие, непохожесть. Мысль о том, что человечество якобы составляет толпа серых и одинаковых людей, руководимых отдельными исключительными и яркими личностями, — такая мысль исключает красоту и противоречит эстетике.

Да нет, не бывает абсолютно одинаковых, другими словами, совсем бездарных людей! Каждый рождается в мир с печатью какого-либо таланта. Потребность творчества так же естественна, как потребность пить или есть, — она теплится в каждом из нас даже в самых невероятно тяжелых условиях. Каждая личность по-своему талантлива, иными словами, *своеобразна*. Людей, абсолютно плохих внутренне и внешне, к счастью, не существует. То, что потребность творчества свойственна каждому, видно хотя бы из того, что в детстве, даже в младенчестве, у ребенка есть потребность в игре. Каждый ребенок хочет *играть*, то есть жить творчески. Почему же с годами творчество понемногу исчезает из нашей жизни, почему творческое начало сохраняется и развивается не в каждом из нас? Грубо говоря, потому, что мы либо занялись не своим делом (не нашли себя, своего лица, своего таланта), либо не научились жить и трудиться (не развили таланта). Второе нередко зависит от первого, но и первое от второго не всегда бывает свободно. Не научившись трудиться, нельзя узнать, чем наградила тебя природа. Если духовный потенциал слаб, личность стирается, нивелируется, теряет индивидуальные, присущие ей черты. Стройному восхождению, творческому раскрепощению личности может помешать любой душевный, семейный, общественный или мировой *разлад*, любая неурядица, которые, кстати сказать, бывают разные. Например, одно дело, когда нет обуви для ходьбы в школу (а то и самой школы), и совсем другое, когда тебя силой заставляют постигать сольфеджио. Конечно, второй случай предпочтительнее, но разлад есть разлад. И вот мы видим, что общественная ориентация отнюдь не всегда безошибочна и что мода вообще вредна в таком деле, как дело *нахождения себя*. Почему, собственно, считается творческой только жизнь артиста или художника? Ведь *артистом* можно быть в любом деле, *художником* тоже. Добавим, что не только можно, но и должно. Ореол исключительности той или иной профессии, иерархическое деление труда и быта по таким принципам, как «почетно — непочетно», «интересно — неинтересно», как раз и закрепляет социальное равнодушие личности, поощряя мысль о недоступности творчества *для всех* и *для каждого*. Но такое поведение личности вполне устраивает как сторонника индивидуалистической философии личности и толпы, так и бюрократодогматика, который во имя общего блага готов сегодня же расставить людей по ранжиру.

Качественное разнообразие частей лучше, чем что-либо другое, служит единству целого. Конечно, антагонизм частей, вообще разрушающий целое, тоже можно назвать разнообразием, на что и ссылаются сторонники нивелирования. Но разнообразие и антагонизм — разные вещи.

Вне спора «антагонистов» с «нивелировщиками», так сказать, совсем на особицу, стоит *художественный образ*.

Наверное, ни у кого из нас не вызывает сомнения единство целого в московской Покровской церкви (известной больше как храм Василия Блаженного). Но как не похожа одна на другую части, его составляющие! Каждая часть, каждая деталь живет сама по себе, не повторяется и не похожа на другую часть или деталь.

Ритм, стройность, соразмерность и еще что-то неуловимое объединяют в художественном образе самые разные, в обычных условиях враждующие и даже взаимоисключающие вещи.

Каких только терминов мы не придумали, чтобы проникнуть в тайну художественного образа, чтобы понять и объяснить его! Он же по-прежнему не хочет быть объяснимым... Он не дается в руки. Он, как радуга, отодвигается от нас ровно на столько, на сколько мы к нему приблизимся. Он как стриж, который не может взлететь с земли и которому всегда необходимо пространство, обрывающееся вниз. Как детская игрушка, теряющая весь свой прелестный смысл, когда ребенок, движимый любопытством, разбирает ее на части, чтобы взглянуть, что у нее внутри. Можно и еще продолжать такие сравнения. Не лучше ли попробовать совсем оставить его в покое? Не мучить его исследованиями, лишая себя величайшего блага наслаждаться общением с ним? Что бы мы ни решили, он останется независимым от наших решений. Он останется самим собою где бы то ни было: в слове, в музыке, в живописи, в архитектуре, в хореографии, в скульптуре и в лицедействе — во всех этих классических видах искусства, а также в способе жизни, в ее стиле и смысле. Художественный образ — это родное дитя традиции, оплодотворенной вдохновением художника. Как бы ни был талантлив художник, но если он полагается только на одно вдохновение, игнорируя художественную традицию, он все равно будет бесплоден. Но что значит и традиция без вдохновения художника? Не озаренная этим высоким вдохновением, она тоже бесплодна, как бы ни было велико художественное богатство прошлого.

Художественный образ неуловим, хотя живет рядом с нами всегда и повсюду. Он тотчас исчезает, как только начинаешь его изучать и раскладывать на части, он же никогда не повторяет самого себя.

Рожденный неповторимым...

Сравнивая друг с другом классические виды искусства, можно все-таки выделить некоторые постоянные признаки художественного образа. Например, *ритм*.

Как уже говорилось, волшебная сила ритма позволяет петь — прекрасно и легко — людям-зайкам, не способным сказать слова без усилия и напряжения. Ругаясь с соседкой, то есть *зреша*, многие женщины не в силах освободиться от ритма, от образности, что еще больше усиливает душевные диссонансы, поскольку образ всегда охотнее служит добру, а не злу.

Известны примеры младенческого рева с зачатками художественности: в крик плачущего ребенка вдруг начинает вплетаться ритм и даже подобие мелодии...

Ритмичность одинаково нужна музыке и литературе, живописи и скульптуре, хореографии и архитектуре. Ритмичность, как мы видим, необходимая принадлежность жизни вообще...

Другим признаком художественного образа можно смело назвать *композицию* (по-русски — соразмерность), присутствующую во всех видах творчества. *Соразмерность*. Разве не ощущается и в этом слове ближайшее родство с ритмом? Может быть, стоит в этом ряду поставить еще *интонацию*, но это понятие в нашем случае уже теряет определенность, становясь приблизительным. Далее начинается терминологическая пестрота: сюжет, стиль, мелодия, колорит и т.д. На ритме и соразмерности, пожалуй, и завершается определенность, если говорить о художественном образе в духе исследования. Возможен ли разговор в другом духе? Конечно. Но угроза скатиться к «исследованию» существует при этом постоянно. Например, очень интересно отбросить от нашего словосочетания определение «художественный», а потом подумать над тем, что останется. Лингвистический способ общения с понятием *образ* ничуть не лучше любого другого способа. И все же, и все же...

Однокоренных слов к «образу» множество, вспомним некоторые из них. *Образец*. («Где, укажите нам, отчества отцы, которых мы должны принять за образцы?») Нечто самое лучшее, выверенное. В современной промышленности близкое к *штампу*. *Образовать* — значит появиться, родиться, вывиться. *Образование* — это учение, приобретение знаний, но первоначально слово обозначало *становление, образование* — значит стать кем-то, получить свое лицо. Вспомним и вечное «*все образуется*»

Стивы Облонского, равносильное тому, что все вокруг рано или поздно обязательно придет в нормальное состояние. Выражение «*таким образом*» подразумевает некий итог, обобщение, иногда его употребляют и в смысле «таким способом». *Своеобразный* — значит особенный, *неповторимый*, непохожий. Безобразное, то есть безобразное, не имеющее своего лица, нечто абстрактное, отвратительное. А как много смыслов и смысловых оттенков в таких словах, как «*изображение*», «*преображение*», «*воображение*!» Что бы, однако, ни имелось в виду, когда используются эти и производимые от них понятия, первопричиной всего является все-таки *образ*, неповторимое воплощение сущего, *художественное обобщение*.

Вот мы и вернулись вновь к определению «художественный», а тайна художественного образа как была, так и осталась... После всего сказанного можно ли сделать вывод, что академическое познание, изучение творческого созидания никогда не встанет вровень с художественным восприятием этого созидания? Великое искусство потому и зовут великим, что оно понятно для всех, по крайней мере, для большинства. Вовсе не обязательно быть докой-специалистом, чтобы читать «Войну и мир» или смотреть и слушать «Лебединое озеро». Сложностью и недоступностью формы не так уж и редко маскирует посредственный художник недостаток таланта. Это не означает, что произведение великих, гениальных художников никогда не бывают сложными и непонятными. Разница между сложностью малоталантливой и сложностью гениального художника скорей всего в том, что в первом случае сложность топчется на одном месте, она статична, во втором — она движется, самораскрывается, обнаруживая все новые возможности произведения.

Восприятие художественного образа по сути и качественно то же, что и его создание. Разница здесь, вероятно, лишь в масштабности... Несомненно, во всяком случае, то, что *восприятие* образа процесс также творческий. Именно это-то обстоятельство и таит в себе великую опасность культурного иждивенчества.

Под маской скромности (где уж нам, дескать?) таится обычная трусость либо обычная лень, и человек лишь пользуется созданными до него художественными ценностями, даже не пытаясь создать что-то свое. Пусть не гениальное, но свое! Пресловутый максимализм (либо стать Микеланджело, либо совсем не заниматься творчеством) никогда не содействовал благу общенародной культуры. Игнорировать собственный талант (какой бы он ни был по величине) на том основании, что есть люди способней тебя, глушить в себе творческие позы так же *безнравственно*, как безнравственно заниматься саморекламой, шумно преувеличивая собственные, нередко весьма средние возможности.

«Уничуждение паче гордости», — говорится в пословице. Найти свое лицо — нравственная обязанность каждого. Но *к лицу ли* человеку подобострастие? Растерянность перед более талантливым унижает и того и другого. Настоящий художник ждет от других не подобострастия, а обычного уважения. Ему совсем незнакомо чувство собственного превосходства. Чем больше талант, тем меньше высокомерия и гордости у его обладателя. Между величиной таланта, силой художественного образа и уровнем нравственности существует самая прямая зависимость. Стыд, совесть, целомудрие, духовная и физическая чистота, любовь к людям, превосходное знание разницы между добром и злом — все эти нравственные свойства художника отображает питаемый им художественный образ. Художественный образ не может быть создан бесстыжим, бессовестным художником, человеком с грязными руками и помыслами, с ненавистью к людям, человеком, не знающим разницы между добром и злом. Да и вообще, возможно ли подлинное творчество в неспокойном или злом состоянии? Вряд ли... Злой человек склонен более к разрушению, чем к творчеству, и нельзя путать вдохновение создателя с геростратовским...

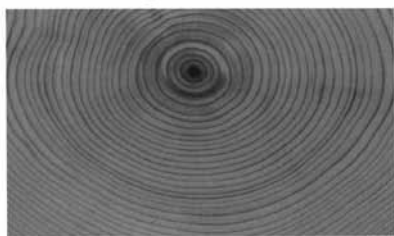
Подлинный художественный образ всегда *нов*, то есть стыдлив, словно невеста, целомудрен и чист. Свежесть его ничем не запятана. Настоящий художник, как нам кажется, тоже стыдлив, ведь и само творчество требует уединения, тайны. Вынашивание и рождение образа не может совершаться публично, у всех на виду. Публичным, известным всем или множеству должно стать впоследствии творение художника, но отнюдь не он сам. Не потому ли гениальные творения древних русских живописцев не подписаны? Древние художники и архитекторы предпочитали остаться безвестными. Ведь значит же что-то это известное и совсем не случайное обстоятельство.

На этом, может быть, и уместней всего закончить наши, порой сумбурные, еще чаще отрывочные раздумья о северной народной эстетике.

«СНИТСЯ МНЕ В СТОЛИЦЕ РАЗДОЛЬНАЯ СТАНИЦА. ...»

ЮРИЙ АЗАРОВ

КОЛЬЦА ЖИЗНИ

СТИХОТВОРЕНИЯ · ПРОЗА · 1993–2011

Издательский Дом «Мир Безопасности», 2011

Азаров Юрий. Кольца жизни. – Москва: Издательский дом «Мир Безопасности», – 2011

Прочитав книгу стихотворений Юрия Азарова «Крылья мои – Россия» (М., «Палей», 2002 г.) и его новый сборник «Кольца жизни», я вспомнил стихотворение выдающегося русского писателя советской эпохи Ярослава Смелякова «Поэты», которому, кстати, в этом году исполняется сто лет, и сорок лет, как его нет с нами. И вспомнилось это стихотворение вовсе не случайно:

*Я не о тех золотоглавых
Певца отеческой земли,
Что пили власть из чаши славы
И в антологии вошли.*

*...В посёлках и на полустанках –
Они – среди шумной толчеи –
Писали на служебных бланках
Стихотворения свои.*

*Над ученической тетрадкой
В желанье славы и добра,
Вздыхая горестно и сладко,
Они сидели до утра.*

Ясно, о ком и о чём писал в этом стихотворении Ярослав Смеляков. И всё-таки назвал его «Поэты», без всяких кавычек, вполне серьёзно, отдавая честь тому явлению, которое он в этом стихотворении постиг. О, это действительно явление в нашей культуре – неистребимая ничем тяга к стихотворчеству многих людей. Причём, несмотря ни на что, даже на нынешнюю нелитературность времени. А потому можно сказать, что это явление выдержало проверку и испытание даже этой самой нелитературностью нашего времени.

Как правило, это стихи, возникающие по тому или иному случаю или событию – посвящение другу, поздравление с юбилеем товарища и т.д. Казалось бы, ну почему не сказать в тот или иной значимый момент жизни обычной, повседневной речью? Ан нет, появляются стихи. И уже вне зависимости от их поэтических достоинств, этот факт сам по себе требует более пристального и внимательного отношения к себе. Ведь за этой тягой к стихотворчеству различаются уже не только, собственно, дела литературные, но – особенная черта русского человека, несмотря ни на что – ни на трагедии социальной жизни, ни на перипетии своей личной судьбы, держаться возвышенного и прекрасного. В этом стремлении мне даже видится надежда на то, что мы преодолеем все выпавшие нам невзгоды...

Поэт Юрий Фёдорович Азаров, как мне представляется, принадлежит именно к этому, драгоценному для нас явлению культуры и жизни. Как справедливо писал о его творчестве известный поэт Валентин Сорокин, – «искренность – вот главное достоинство поэзии Юрия Азарова. Здесь нет и тени рисовки или попытки показать себя незаурядной личностью. Главное для него – выразить те чувства, которые волнуют его именно в эту минуту...» Однако Ю. Ф. Азаров не только поэт, но и крупный в недавнем прошлом руководитель, генерал-полковник таможенной службы. А это очень важно для уяснения того

культурного явления, о котором я говорю. Ведь офицер в таком высоком звании, сохранивший, говоря строчкой А. Блока, «восторг души первоначальной» – это дорогого стоит. И он действительно является и остаётся поэтом. Это прорывается вдруг в каких-то исповедальных строках, которым он, как автор, вполне возможно, и сам не знает истинного значения. Так бывает у поэтов, и нередко:

*Я молод был и полон сил,
Менялись годы, как ступени.
И ангел мой меня хранил,
Набравшись долгого терпенья.*

Такие стихи дано написать только истинному поэту. И пусть таких прозрений в его творчестве не так уж много, но достаточно и того, что есть. И мы уже обязаны относиться к ним внимательно, как к нашему общему достоянию.

Юрий Фёдорович Азаров – человек, родившийся сразу же после Великой Отечественной войны, можно сказать, мой ровесник. И мы, люди этого поколения, так или иначе, размышляли о своей судьбе, о такой зыбкости и «случайности» нашего появления на свет. Ведь родители наши могли просто погибнуть на той Великой войне... Но то, как это представление чувства выразил Юрий Азаров, является для меня драгоценным, ибо мало кто из поэтов его так выразил:

*У нас у всех судьба такая –
Войной не прерванная нить.
Из миллионов пуль любая
Могла нас в детство не пустить...*

Не могу не остановиться на его стихотворении «Кольца жизни», которое и дало название книге. Как понятно, речь идёт о «кольцах жизни» дерева, которые мы обнаруживаем лишь тогда, когда оно спилено:

*На срезе дерева печать прошедших лет:
Удачный год оставил ровный след,
Широкий, как степной большак,
А трудный год отмечен кое-как...*

И, конечно же, тут поражает то, что «трудный год отмечен кое-как»... Но главное состоит всё-таки в том, что эти «кольца жизни» мы можем увидеть только тогда, когда дерево спилено. И в этом состоит вся трагедия:

*На срезе дерева следы ушедших лет,
А коль есть срез, то дерева ведь нет.*

Вот такая в стихотворных строках «философия» жизни. И я не могу сказать о том, что, несмотря на, вроде бы, «недоработанность» стихов, их смысл мне не ясен и не понятен. Кроме того, Ю. Ф. Азаров является для меня земляком-кубанцем. А потому особенно трогательны его стихи, посвящённые малой родине. Впрочем, тут я могу быть и предвзят, ибо всякая весточка с малой родины оказывается значимой вне её поэтического совершенства. И, тем не менее, такой поистине песенный настрой не может не трогать:

*Снится мне в столице
Раздольная станица,
Золото пшеницы,
Яблоневый цвет.*

Прочитав стихотворения Юрия Азарова, я открыл для себя интересного поэта. Да, вот таким окольным «узким» путём входящего в литературу. Но несмотря ни на что, на все испытания, выпавшие нашему поколению, сохранившего непосредственное восприятие мира, светлую душу, мучительно и непростое постигающего наше невнятное время. А это ведь главное, ибо, что может быть ещё более значимей, чем сохранение души человеческой на перепутьях времён? И пусть я пробиваюсь к смыслу его поэтических открытий с некоторым усилием, но, тем не менее, они становятся мне понятными и ясными. Ведь без определённых усилий невозможно понять всякого поэта.

Мне, как литератору в погонах, особенно понятна человеческая и поэтическая судьба Юрия Фёдоровича Азарова. Офицер, генерал, и в то же время поэт – такое сочетание, может быть, только в России возможное. А потому мы и обязаны таким достоянием дорожить.

Пётр ТКАЧЕНКО,
литературный критик, публицист,
прозаик, издатель авторского альманаха
«Солёная Подкова».
Москва –
станция Старонижестеблиевская
Краснодарского края.

Юрий Азаров

Ту, что весной зовётся!
Теперь моя жизнь на исходе,
Растворяюсь в весеннем лоне.
Даже птицы меня обходят,
Собираясь на южном склоне». Но зиму весна утешала,
Под солнечным нежась светом:
«Ты дождишь свою осень сначала,
А я приготовлюсь к лету.
Теплом разбужу я природу,
Живых отогрею от стужи,
Надежду, любовь и свободу
Вселю я в застывшие души».

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ СВЯТКИ

Льжи, сани и сугробы,
Лёд на речке, красный нос.
От тоски и от хворобы
Всех избавит Дед Мороз.
Красны щёчки у молодки,
На морозе парни жарки:
Грех не выпить рюмку водки
На Рождественские святки,
А потом до самой ночи
Погулять зиме во славу.
Только мёртвый не захочет
Видеть русскую забаву:
Кто-то тянёт в гору санки,
Кто-то вниз летит стрелкою.
Сват прикинулся цыганкой,
Сваха бьёт его метлою.
Кто медведем нарявился,
Кто оделся скоморохом.
И бесёнок вдруг явился
В паре с бабою Солохой.

Девки стайкой на пригорке
С парнями милуются:
Сами громко крикнут: «Горько!»,
А потом целуются.
Никому не страшна стужа,
Лишь пришлось жене одной
Слишком выпившего мужа
С той гулянки гнать домой.
Все так дружно веселились,
Так кружились в хороводе,
Что немало удивились...
Месяцу на небосводе.

Уходят друзья, не спросив
разрешенья,
Уходят друзья, не доделав дела,
Уходят друзья и уносят мгновенья
Земного общенья, что жизнь нам дала.

Уходят друзья, разрывая нам душу –
Отчаянья стон и скупая слеза...
Стакан поминальный до дна мы
осушим
И молча посмотрим друг другу в глаза.

ИЗ РОЖДЕНЬЯ – В ЗАКАТ

Поезда, поезда...
За вокзалом вокзал...
«Мы в дороге всегда», –
Кто-то тихо сказал.

И качнулся в ответ
Наш плацкартный вагон: –
«Всем вам выдан билет
На один перегон.

Путь с рожденья идёт,
Только разница в том, –
Кто-то раньше сойдёт,
Кто-то выйдет потом».

Перегон, перегон...
Время быстро летит.
Хорошо, что вагон
В тупике не стоит,

Что колёса стучат,
Не скрипят тормоза
И вокруг не кричат: –
«Всё, давай,
вылезай!»

ПОТРЯСЕНИЕ

Непостижимая поэзия природы:
Чегемское ущелье, плач скалы.
Здесь будто душу омывают воды
И призывают ощутить свободу,
Которую имеют лишь орлы,
Парящие кругами меж вершин.
Мир отрешён, ты с мыслями один...
Шум водопадов, как раскат грозы...
И вдруг ты чувствуешь тепло слезы.

БЫТЬ МОЖЕТ, ЭТО СОН?

Быть может, это сон?
Прекрасен мир до боли.
Высокий горный склон,
Под ним – простор и воля.
А мы стоим одни
На краешке природы.
Мгновения – как дни,
Спрессованные в годы.
Нисходит тихо ночь,
Но нынче не до сна,
И нас уносит прочь
Высоких чувств волна.

Нам долго будут помниться те дни:
Дом у залива, кораблей огни,
Плантации оливковых садов,
Загадочность древнейших городов,
Осанка гордая седых Балканских гор,
Лазурный Адриатики простор,
Славянская сердечность черногорцев,
И много солнца, очень много солнца!
Уютная земля прекраснейшего края:
Земной оазис неземного рая!

ЗАДОМ НАПЕРЁД

Ты от природы милости не жди:
В том, что случилось – виноваты сами.
В Москве идут январские дожди,
Италия завалена снегами.
Всё скоро будет задом наперёд:
В Сибири вырастут нежнейшие
мимозы,

А в Африке изнеженный народ
Остудят вмиг сибирские морозы.
И в Подмоскovie не видать удачи:
На африканцев станем мы похожи.
Здесь обезьяны будут грабить дачи.
Ещё наглей, чем нынешние бомжи.
И как же сильно надо постараться –
А может и стараться уж не надо,
Чтобы исчезли под водой британцы,
Америку разрушили торнадо...
Пусть будет шуткой это предсказанье,
Но в каждой шутке истина живёт.
Коль не умерим мы свои «дерзання»,
Всё скоро станет задом наперёд.

ВЕСЕННЕЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

На северном склоне пригорка,
Прижавшись сугробом к берёзе,
Зима затаилась и горько
Лила свои вешние слёзы:
«Давно ли февральскою вьюгой
Легко закрывала я солнце,
И прочь прогоняла подругу,

ЮБИЛЕЙ

ЧТО ТАКОЕ ВОЙНА

Лет семь назад, в газете «Литературная Кубань» появился небольшой рассказ Андрея Николаевича Пономарева «Звездочка» о безымянном бойце, подарившем мальчишке-сироте красноармейскую звездочку с фуражки. Боец погиб, а мальчик и звездочка остались живы... Немудреная военная история неожиданно вызвала горячие отклики читателей. Автора почти никто не знал, и многим казалось, что это убежденный сединами пожилой человек, рассказавший эпизод из своей жизни. Каково же было удивление, когда «ветераном» оказался молодой, подтянутый подполковник с пытливыми темными глазами, энергичный, и в то же время скромный, сдержанный.

Окончив в 1983 году Краснодарское высшее военное училище имени генерала армии С. М. Штеменко, Андрей Пономарев прошел службу на различных воинских должностях во многих гарнизонах, в том числе за границей. В 1997 году вернулся в свое училище на преподавательскую работу, был удостоен правительственными наградами.

Воевать Андрею не довелось. Он не хватал зубами пороховой снег, не стрелял по врагу из орудий прямой наводкой, не хоронил фронтовых товарищей... И все-таки он имеет полное право сказать о себе: «Я знаю, что такое война».

С 1988 по 2000 годы Пономарев возглавлял военно-патриотическую группу «Поиск» из числа военнослужащих, занимающуюся поиском без вести пропавших воинов в годы Великой Отечественной войны на территории многих регионов Российской Федерации, а также в Краснодарском крае. За это время солдатами и офицерами группы «Поиск» были преданы земле с отдаванием воинских почестей останки свыше 1300 бойцов и командиров Красной армии, найдено около 250 их смертных медальонов. Работа в «Поиске» позволила будущему писателю взглянуть на Великую Отечественную войну не со стороны, а словно изнутри.

Полуистлевшие документы, личные вещи, оружие... Эти бесценные находки на полях бывших сражений не только дали возможность установить личности многих погибших и пропавших без вести советских бойцов, но и стали материалом для художественно-документального романа Андрея Пономарева «Возвращение».

Действие романа происходит в двух временных измерениях – в прошлом и в настоящем. Кроме того, написан он в двух жанрах – художественном и документальном. Великую Отечественную войну автор, разумеется, не видел и потому мог изобразить её только при помощи художественного воображения. А то, что происходит в настоящее время, передано им с документальной точностью. Главы о войне и поисковой работе следуют одна за другой, сменяя друг друга, причем, имена поисковиков в романе вымышлены, а имена погибших героев – подлинные. Автор поступил так сознательно, видя в этом высокий нравственный смысл. Поисковики не претендуют на славу и известность, а вот установленные ими имена павших бойцов должны быть известны всем!

На страницах романа оживают командир роты лейтенант Курочкин, жизнерадостный сержант Прудников, пожилой, опытный сержант Величко, юный, старательный младший сержант Солодовников, наивный Борька, часто попадающий впросак... Все эти люди, словно члены одной семьи. Общая цель, общая любовь к Родине, общая смертельная опасность сроднили их. Все они останутся лежать на поле боя неизвестными солдатами, а потом, через много

лет, снова вернуться и будут жить в нашей памяти, обретя имена. В этом великая заслуга поисковиков и, конечно, автора романа. По какой-нибудь случайной, казалось бы, незначительной детали, автор выстраивает сложную цепочку событий. Перед боем бойцы показывают друг другу свои реликвии: старшина Величко – гуттаперчевый крокодильчик – подарок внука, а пожилой санинструктор – фотографию семьи, запаянную в целлулоид. После гибели бойцов эти предметы пролежали в земле более пятидесяти лет, а потом были подняты, чтобы рассказать нам правду о том, что случилось на высоте 246,6.

В романе «Возвращение» так много документальных деталей, что он может служить руководством для молодых военных археологов. Работа поисковика порой смертельно опасна: ведь после войны осталось множество неразорвавшихся снарядов, ставших причиной гибели людей. Но самое главное достоинство книги – в её неподдельном, от сердца идущем патриотизме. Нас, читателей, не обманешь. Мы всегда почувствуем, искренен ли автор или притворяется.

Рукопись своего романа Андрей Пономарев представил на семинаре литераторов Кубани в 2004 году и получил горячее одобрение руководителей. По результатам семинара он был принят кандидатом в члены Краснодарского отделения Союза писателей. А в январе 2006 года на общем собрании краснодарской писательской организации Андрей Николаевич был практически единогласно принят в члены Союза писателей России. Случай сам по себе необычный: писатель был принят по рукописи, его книга еще находилась в издательстве.

18 февраля 2006 года в Краснодарском отделении Союза писателей России снова царил оживление. Литераторы и многочисленные гости поздравляли подполковника Андрея Пономарева, чей роман «Возвращение» только что вышел в издательстве «Периодика Кубани». Решение о публикации приняла городская администрация, отметив «документальную достоверность и яркую публицистическую направленность» книги. Тоже уникальный факт, если учесть, что это было первое крупное произведение молодого автора.

После выхода в свет романа «Возвращение» многие краевые газеты и журналы стали охотно публиковать отрывки из него, а также военные рассказы Пономарева. Окрыленный успехом, прозаик берется за новое большое произведение.

...Трое советских разведчиков: лейтенант Стрельченко, сержант Смирнов, и ефрейтор Сизов, получив ответственное задание, переходят линию фронта.

Так начинается захватывающая военная повесть Андрея Пономарева «Тучи уходят с дождём». Его героям предстоит преодолеть долгий путь к расположению немецкого танкового полка. Вокруг немцы... Но земля, по которой они идут, – их родная земля, пусть и временно занятая врагом. Укромные тропы, густой лес, скрывающий их, заброшенный домик лесника, где они находят приют, – это всё своё родное. А люди, повстречавшиеся на их пути, – лесник Ерофеич и его внук Санька – свои, русские люди, которые не отвернутся, помогут, даже если эта помощь будет им стоить жизни.

В годы моей юности в кино и книгах о войне немцы изображались трусливыми идиотами. Сегодня некоторые авторы ударились в другую крайность. Тупые трусы – это политруки, а немцы изображаются весьма сочувственно. Высокая истина заменяется лукавой полуправдой, которая, как известно, коварнее лжи. Пономарев понимает, что «правда факта» – не всегда соответствует правде жизни. Умилительные истории о немцах, кормящих пряниками русских детишек – не его тема, хотя, возможно, такие случаи «имели место быть».

Всё гораздо сложнее. Немецкий часовой Курт, монотонно читающий стихи среди безмолвия и мрака ночи чужой страны, предстает перед читателем безгранично одиноким. Когда наши разведчики захватывают его в качестве «языка», он почти не сопротивляется, видимо, считая себя обреченным...

Долгий путь к расположению советских войск, который пришлось пройти пленному немецкому солдату Курту под конвоем наших разведчиков, сопровождается не только физическими тяготами, но и мучительными раздумьями, в результате которых в его сознании постепенно тает привычный и ненавистный «образ врага». Чем дольше он находится среди русских разведчиков, тем большим уважением он проникается к ним. Он не может не отдать должное их мужеству, взаимовыручке, благородству, и, наконец, их милосердию к поверженному противнику. На глазах Курта гибнет командир разведотряда лейтенант Стрельченко, потом незадачливый балагур – ефрейтор Сизов... В конце трудного пути немец остается на попечении главного героя повести – сержанта Александра Смирнова, который неоднократно спасает ему жизнь и доставляет в штаб живым, сам при этом едва не теряя сознание от ран.

В сложных психологических отношениях разных и бесконечно далеких друг от друга людей вырастает взаимопонимание. Расставаясь в штабе с Александром Смирновым, Курт неожиданно по-военному вытыгивается по стойке «смирно» и берет под козырек, выражая тем самым искреннее уважение тому, кто еще недавно был для него смертельным врагом, а теперь стал «комрадом».

Повесть «Тучи уходят с дождём» получила благоприятный отзыв выдающегося поэта Виталия Бакалдина. А вскоре она была издана в прозаическом сборнике Андрея Пономарева «Старый окоп», куда, кроме нее, вошли избранные рассказы.

Глубокое знание темы, нескрываемая любовь к своим героям придает произведениям Пономарева обаяние документальности. «Старый окоп» – это не просто ещё одна книга о войне. В рассказах Андрея Николаевича война становится чистили-

щем, в котором обнажаются потаенные уголки души его героев. Экстремальные обстоятельства, в которые они попадают, раскрывают внутренние силы их личности. Таковы Пивень и Петухов из рассказа «Однофамильцы», таковы бойцы погибшей роты из рассказа «Исповедь», которые «ушли в небытие, не бросив своих позиций, засыпанных взрывами».

Неразрывная связь поколений, идеалы патриотизма, кровь предков, ныне текущая в наших жилах, заставляют нас ощутить сопричастность с теми, кто отдал за нас жизнь. Это та самая «родная кровь», которую неожиданно почувствовал в себе деловой, успешный, не интересующийся войной предприниматель Николай Зуев при виде солдатской могилы своего дяди, Василия Широкова.

Пономарев не старается, как это часто делается сейчас, устремлять на Великую Отечественную войну «нетрадиционный взгляд», делая сенсационные выводы. Ныне охотников перекраивать историю предостаточно, причем каждый новый раскрой почти всегда бессовестно искажает и принижает значение подвига нашего народа. В рассказе «Фронтовик» ветеран войны Иван Сергеевич смотрит по телевизору современный сериал о штрафном батальоне. Добротно сделанный, остро сюжетный фильм в общем нравится старому солдату. Но... «После просмотра возникло ощущение, что ту войну мы выиграли только благодаря штрафникам, как будто не было подавляющего множества других, не провинившихся солдат, которые точно так же лежали под бомбежками, шли в атаку, и умирали на поле боя. Этого Иван Сергеевич не понимал...»

Пономарев любит сталкивать временные диапазоны. В рассказе «Старый окоп» действие происходит в наши дни. На военных учениях боец современной мотострелковой роты роет окоп. Земля податлива, и солдат вдруг догадывается, что в этом самом месте когда-то уже был окоп. Да... сомнений нет: он стоит в старом окопе времен Великой Отечественной войны! Его саперная лопатка ударяется в металл – это ржавый осколок снаряда, вот он извлекает из земли настоящий боевой патрон. Тысячи мыслей вихрем пронесаются в голове молодого солдата. Он пытается представить себе своего неведомого предшественника, того, кто на этом самом месте «когда-то держал оборону, ведя нещадный смертный бой с ненавистным врагом»...

Мы читаем и невольно думаем: «ничто на земле не проходит бесследно». Прошлое и настоящее – словно звенья одной цепи: тронь одно, а другое отзовется. Души ушедших поколений, их опыт и лучшие национальные черты живут в нас, сегодняшних. Вот почему мы верим герою Андрея Пономарева – молодому бойцу сегодняшних дней, когда он клянется самому себе: «И я докопаю его окоп. Потом возьму на память, завернув в платок, его патрон и гильзы. И, если понадобится, я пойду по приказу вперед, покинув окоп, доставшийся мне по наследству от неизвестного солдата. Вперед, – дорогой Победы».

Ныне Андрей Николаевич оставил службу в армии... Но армия навсегда осталась в нём! Известно, что «бывших военных» не бывает, как не бывает и «бывших писателей». Это пожизненные звания.

Редакция поздравляет Андрея Николаевича Пономарева с юбилеем: ему исполнилось 50 лет. Прекрасный возраст для творчества. Служите России своим талантливым и честным пером!

Людмила Хоруженко

ЮБИЛЕЙ

Андрей Пономарёв

Родная кровь

Телефонная дрожь пробежала по столу, заставив меня вздрогнуть и отложить авторучку. Удивительное дело, но почему-то только в армии телефоны звонят именно так: настойчиво, требовательно и пронзительно. Словно они громкогласно радуются собственной услужливости, доводя человека в погонах очередной приказ, а в худшем случае оповещая о внезапной тревоге. Но, слава Богу, — пока учебных...

Звонил дежурный по контрольно-пусковому пункту:

— Товарищ подполковник! К вам посетитель...

Я смотрю на часы.

«Интересно, кто бы это мог быть? Время обеденное, и к тому ж суббота. Если кто приехал из гарнизонного поселка, так до него восемь километров разбитой бетонки посреди глухого леса. Могли бы заранее позвонить и договориться о встрече».

— Кто?..

Дежурный по КПП подтверждает свою сержантскую добросовестность в службе:

— По документам — Зуев Николай Иванович. Семидесятого года рождения...

Фамилия нежданного гостя, а тем более его возраст — меня на подобающие мысли не наводят и я, продолжая ломать в загадках голову, отвечаю в дышащую ожиданием трубку:

— Хорошо, сейчас буду...

С невольным ощущением напрасно потерянного времени я собираю со стола бумаги. «Жаль, что не успел до конца подготовить документы на подпись командиру. Не сорвать бы завтрашний выход группы...»

С чувством особого благоговения я буквально на секунду представляю лица наших ребят, с которыми завтра опять уйду в лес. Всех упомянуть невозможно — их десятки — солдат и офицеров нашей части, составивших вместе военно-патриотическую группу «Поиск». Группу, которой суждено возвращать имена павшим воинам, числящихся без вести пропавшими еще по боям Великой Отечественной...

Крутится волчком турникет на КПП и, остановив знаком через стекло поднимающегося дежурного, я толкаю входную дверь и выхожу наружу. Льнет теплом к лицу щедрое майское солнце, будто опьяненное пряным воздухом леса, чьи сосны-часовые великодушно расступились в стороны, пропуская к нам извилистую ленту дороги.

На площадке-стоянке возле ворот со звездой я вижу привычную картину составленных в ряд мотоциклов прапорщиков части, да измазанного желтизной старенького «Москвича», принадлежащего знакомому офицеру, чью сгорбленную спину я так часто вижу в раскрытом зеве ее капота. И на этом фоне из железных древностей как-то в диковинку смотрелась незнакомая стильная «девятка» ныне модного цвета под названием «мокрый асфальт».

Несмотря на сильную запыленность, что говорило о проделанной ею дальней дороге, машина была явно новая, недавно приобретенная. И судя по ее номерному знаку, она была из другого региона, двузначный код которого я раньше в наших местах не встречал.

Мягко хлопнула дверь автомобиля, тут же оборвав донесшиеся ритмы музыки за поднятыми стеклами. «С кондиционером, похоже. Живут же люди...», — не то, что позавидовал, а скорее подивился я ее комфортному оснащению, столь необычному для нашей сельской местности. И только после этого я обратил свой взгляд на хозяйку машины, неспешной походкой направляющегося ко мне.

Говорят, что многие принадлежащие человеку вещи со временем словно ре- воплощаются, и как бы начинают отражать внутренний мир и даже внешний облик того, для кого они предназначены. Не исключением из этого чуть ли не мистического правила был парень, протянувший мне руку для пожатия. Молодой, спортивный, элегантный — под стать своей машине. Черная кожаная куртка на молнии плотно обтягивала его широкие плечи, прикрывая узкую талию синих джинсов, нисходящих к неизменным в таких случаях кроссовкам.

— Зуев. Коля. Здравствуйте!

— Здравия желаю!..

Я представляюсь и выжидательно смо-

трю на своего собеседника, пытаюсь догадаться о цели его прибытия. У него приятное овальное лицо с небольшой ямочкой на подбородке; волнистые русые волосы, собранные назад в косичку; курносый, видимо когда-то перебитый нос с чуть различимыми конопущками. То есть обычное, ничем не примечательное лицо так называемого «славянского типа». В чем-то оно даже располагало к себе, если бы не этот колючий взгляд из-под сдвинутых деловито бровей и жесткие, решительные складки на его лице в обрамлении то ли многодневной щетины, то ли несолидной еще бороды.

Успев лишь поздороваться, он тут же извиняется и лезет в боковой карман куртки. Я слышу мелодичную трель сотового телефона и случайно вынужден присутствовать при чужом разговоре.

— Сколько?!.. И почему?.. Так, берем все оптом со скидкой. Понял? Я примерно через час выезжаю обратно. Все, до встречи!

После этих обрывочных фраз, я нахожусь еще в большей степени неведения. «Что могло привести ко мне издалека частного предпринимателя, если он готов потратить на все про все лишь один час? Весьма любопытно...»

А человек от коммерции, тем временем, спрятав обратно телефон, опять-таки извиняется и, заинтересованно глядя куда-то поверх моей головы («В армии, что ли никогда не служил?»), начинает говорить. Хорошо, что господином еще не обзвал.

— Видите ли, товарищ подполковник, тут такое дело. Я приехал из Твери по просьбе моей матери. И отказать ей в этом, несмотря на свою крайнюю занятость, я никак не мог. Болеет она — вот уже который год...

Зуев темнеет глазами, и его брови еще сильнее сходятся над переносицей, образуя скорбную складку. Но, справившись с тягостными для него воспоминаниями, он после этой короткой заминки продолжает:

— Короче говоря, мать недавно получила письмо из райвоенкомата, в котором сообщалось, что ваш поисковый отряд нашел ее пропавшего без вести брата. Ну, в смысле — место его гибели. А еще там написали, что вы похоронили его недалеко от вашей части... Так ведь, товарищ подполковник?

Я мучительно напрягаю память, стараясь вспомнить, что в нашей работе за последнее время было связано с городом Тверь. Странно, но никаких ассоциаций с ним у меня сейчас не возникало. И пребывая немного в замешательстве, я все же уточняю у Зуева:

— Николай! А девичью фамилию мамы вы знаете?

— Конечно. Такая же, как и у брата. Широковы они...

И тут меня осеняет. Я сразу вспоминаю ту записку из смертного медальона, написанную химическим карандашом на лоскутке бумаги — может быть из ученической тетради — найденную еще в прошлом году при погребении солдата. Перед глазами возникает читаемые с трудом фиолетовые буквы, скрепленные твердым почерком в несколько размытых временем строк.

«Красноармеец Широков Василий Михайлович, 1923 года рождения, уроженец Калининской области, район деревня

Я перевожу дух, наконец-то увязав между собой два города: советский Калинин и российский Тверь; и отчего-то начинаю заметно волноваться:

— Так вы, Николай, получается, приходите родным племянником Василию Михайловичу?

Зуев растерянно хлопает глазами, внезапно утратившими стальной блеск и как-то по-детски глядит на меня, будто ожидая подсказки. Трудно понять, что вызвало у него такое неприкрытое и молчаливое удивление: то ли моя осведомленность, то ли неосознанная им еще родственная связь по отношению к собственному дяде.

Он отворачивается и закуривает, забыв предложить мне, тонкую с серебристым ободком сигарету: таких в наш Военторг не завозят. Хочешь не хочешь, а пришлось подстраиваться под него и прикуривать рядом с ним свою «Нашу марку». Стоим, дышим: он — с жадностью, я — скорее по привычке. Сделав несколько глубоких затяжек, Зуев отводит глаза от желтушного «Москвича», убогость которого выпячивала стоящая рядом «девятка», и, словно оправдываясь, прерывает наше вынужденное молчание:

— Мама, когда получила письмо, несколько дней плакала: переживала, что не может по состоянию своего здоровья поехать к брату. А потом она мне сказала, что никогда себе не простит, если кто-нибудь из нашей родни не навестит его могилу. Мол, считайте это ее последней просьбой. Вот, из-за мамы мне и пришлось отправиться в ваши края...

Я про себя невольно отмечаю, что обобщенному им ранее слову «мать», Зуев разговорившись, предпочел сыновнее «мама». Видимо, очень ее любил, коль побросал все свои купеческие дела и махнул к нам, выполняя, быть может, импульсивное желание.

— Так вы покажите его могилу? Мама от себя наказывала ей поклониться и горсть земли обратно привезти...

Родственники найденных нами солдат, приехавшие к своим близким через много лет после разлуки — событие неординарное, но отнюдь не исключительное. Удовлетворение от успешно заверченного поиска и разделенная с родными скорбь о вставшем из небытия воине: об их муже, брате, сыне, — были для нас, пожалуй, самыми востребованными чувствами в нашей размеренной жизни.

Я приглашаю Николая пройти со мной. Дежурный по КПП, получив распоряжение, поднимает трубку телефона. И вскоре уже на территории части я представляю Зуеву молодого офицера:

— Беркутов Игорь Павлович — командир взвода группы «Поиск». Его ребята нашли красноармейца Широкова...

Пока они здороваются, я со стороны наблюдаю за ними. Они почти ровесники. Но если один из них уже капитан, то второй по неизвестным для меня причинам солдатской формы, сдается, никогда не носил. И, судя по его крепкому телосложению, — состояние здоровья препятствием этому не являлось. Я гоню от себя мрачные, подозрительные мысли, наводящие на определенные выводы о ценностях теперешней жизни, и зову молодежь за собой.

Мы идем к музею. В нашей армии, во многих ее соединениях и частях, имевших славное фронтовое прошлое, с незапамятных времен живут музеи Боевой Славы. Наша же, по своему мезосцистическому такому права, увы, не приобрела. Но, тем не менее, музей у нас есть — наше сокровище, чистилище и святыня. Музей Воинской Славы... Именно так мы его называли в честь заслуг и ратного подвига солдат прошедшей, но незаключенной для них войны, которым было уготовано остаться десятилетиями на поле брани, пока их останков не коснулись человеческие руки...

Мы вступаем под прохладные своды поискового музея, ... и Зуев при входе смотрит на часы. А я уже начинаю рассказ о той войне, которую сам не знал, но после видел. Мое повествование не отличается новизной — слишком много было здесь экскурсий: и для отдельных безликих, но важных персон, и для многолюдных, запоминающихся процессов.

Я веду нашего гостя вдоль стендов из пожелтевших фотографий и документов со штампами архивов. Свет люминесцентных ламп отражается от стеклянной поверхности витрин, за которыми находятся наши сокровища: позеленевшие патроны и химические карандаши, треснутые зеркала и ржавые гранаты, мятые котелки и прорытые каски.

Наш гость как привязанный ходит за

мною и, следя за прерывистым скольжением шомпола — указки, покорно водит головой, не всегда к месту ей кивая. А в это время я, поглощенный собственными переживаниями, всецело отдаюсь изложению событий, втолковывая ему о величии и мужестве павших воинов, о благородстве и романтике нашего поиска.

Но странное чувство все больше занимает меня, по своей сути, соизмеримое со смыслом присказки про мед и деготь. Что-то было не так, не по мне... Естественный процесс завладения вниманием людей, постоянно приходивших сюда на экскурсии, сейчас был явно нарушен. И причиной этому стало вежливое отчуждение торопящегося по своим делам человека. Коле Зуеву было если не скучно, то не совсем интересно.

За целый час, проведенный с ним в музее, я только дважды мог наблюдать у него проявление каких-то видимых эмоций, похожих больше на откровенное любопытство. Первый раз — возле экспозиции с оружием, что само по себе не удивительно: это от природы свойственно всем мужчинам. И позже, когда он вчитывался в текст записки из смертного медальона красноармейца Широкова. Но на этом потребность Зуева в восприятии исторических фактов вновь теряется за его напускной сосредоточенностью, и я помимо воли начинаю комкать конец своего рассказа, ощущая себя виновником отобранного у человека времени.

И когда я окончательно закругляюсь, Зуев говорит мне скромненькое «спасибо» и опять смотрит на часы. Я в некотором замешательстве отыскиваю глазами Беркутова, словно ищу поддержки у молчащего доселе капитана. Но он в данный момент занят делом и рассеянно поглаживает пальцами кончик штыка у стоящей в пирамиде винтовки. Перехватив мой вопрошающий взгляд, он с легким недоумением смотрит на меня и только пожимает плечами.

Затянувшаяся пауза прерывается вопросом случайного посетителя:

— Кстати... Я, когда подъезжал к вам, видел у дороги воинское кладбище. Так вы его там похоронили?..

Я обращаю внимание, что Зуев старательно избегает называть своего родственника «дядей»: как бы чуждаясь лишней раз подчеркнуть связывающие их отношения, обходясь безликим к нему обращением. «Может, он не привык еще к новому для себя слову? Впрочем, мне-то какое дело?..» И я, сдерживая непонятно откуда взявшееся раздражение, спокойно и обстоятельно отвечаю:

— Да, останки вашего дяди мы предали земле с воинскими почестями и при большом стечении народа. Похоронили его как принято у нас — по-людски. Не забыли и про священника...

— А мы к нему на могилу пойдём?

— Конечно, прямо сейчас, если хотите.

И я многозначительно щурю глаз в сторону капитана. Но Беркутов обнадеживающе похлопывает по небольшому полиэтиленовому пакету, возникшему у него в руках неизвестно когда и откуда. Теперь я спокоен: традиции поиска будут соблюдены...

Мы втроем пересекаем границу КПП и провожаемые пытливыми глазами наряда идем по дороге вымощенной плитами, как по коридору с желто-коричневыми стенами из подступивших к обочинам сосен. А наверху, на их развесистых зеленых лапах легкомысленно качается ликующее солнце, балуя своим теплом отошедшую от зимней спячки землю. Дорогу нам без усталости перебегают всевозможные жуки-мураши, и в неподвижности греются ящерики на бетоне. Население леса живет продолжением весны, готовясь к предстоящему лету. Так уж повелось испокон веку, что все ждут очередных перемен, суливших в жизни лучшее. Все, кроме тех, кто лежит за ближайшим поворотом дороги...

И вот, наконец, мы приходим к ним. На широкой поляне, где среди золотистого песка давно перестала расти трава, — из гранитного куба вытанул к небу пятиметровый русский штык. Его острые, стальные грани словно режут загустевший хвойный воздух — в центре от идущих по периметру могил. А за ними — прикрытыми сосновыми лапами — выстроились в почетном и строгом каре молодые елки. Все честь по чести...

Мы с минуту молчим, боясь потревожить покой этих мест, и как замороженные смотрим на вздымающийся штык воинского мемориала. Кажется, подожди еще немного и затрепетает живой язычок огня у его основания. Вечного огня...

— Красиво, — вырывается вдруг у Зуева, продолжавшего созерцать творение рук наших поисковиков.

— Печально, — само собой поправляю я его, облекая в одно слово все состояние моей души, и смотрю ему в глаза.

— Да-да, — неожиданно смущается Николай, и как будто невпопад добавляет: — Простите...

А я уже веду его вдоль холмиков солдатских могил: с именем и без него, в которых лежат ребята из здешних красиво-печальных мест, обильно политых их кровью.

Мы останавливаемся возле одной. В изголовье ее — стандартная железная пирамидка, увенчанная красной звездой. Не сговариваясь с капитаном, мы отступаем с ним в сторону, оставляя нашего гостя наедине с другой судьбой.

Сбоку я отчетливо вижу в профиль опущенную голову Зуева. И сейчас он беззвучно шевелит губами: читает про себя именную табличку на обелиске или, быть может, здравствует с дядей.

Одновременно холодея, я вдруг начинаю пронзительно чувствовать их родство, как будто какая-то сверхъестественная сила впустила меня в круг общения их душ, соединенных кровными узами. Казалось, что сейчас они беседуют между собой. И одна, испуганная, молодая, словно оправдывалась перед другой, страдающей и неуспокоенной.

Я запомнил из детства: когда хочется плакать, отчего-то щиплет в носу. И я украдкой тру себе переносицу, невольно замечая, как отворачивает от меня лицо капитан. Сколько времени уже прошло? Минута или десять? Трудно сказать, не глядя на часы. Но стоящему в молчании парню в кожаной куртке они сейчас, похоже, не нужны. Я делаю знак Беркутову, и мы подходим ближе.

Капитан разворачивает свой пакет, не делая торопливых движений. Булькает фляжка, роняя капли на букетик свежих полевых цветов в обыкновенной стеклянной банке. А рядом с ней — одинокий граненый стакан, чье содержимое при-

крыто кусочком черного хлеба. Остальные стаканы у нас в руках — и я вижу, как сильно он дрожит, зажатый до белых костяшек в кулаке у Зуева. И мы, не чокаясь, пьем — теплую, но в настоящий момент для нас святую водку.

Я ошибся, ожидая его ускользающий ответ: «Простите, я за рулем...» Николай стоит рядом с нами и держит в руке опорожненный до дна стакан, не решаясь его поставить. Беркутов протягивает ему хлеб. Он машинально его берет и медленно жует, не сводя взгляда с наполненного, не выпитого дядей стакана. И только трет иногда себе глаза — точно от попавшей в них соринки.

Зуев вздрагивает от стука дверцы незаметно подъехавшего «Уазика». Как немой вопрос, я читаю его страх и отчаяние в откровенно заблестевших глазах: «Что?! Пора?..» И я пытаюсь пробиться через его глухую стену непонимания и протеста.

— Коля! Твоего дядю мы нашли совсем недалеко отсюда. Давай съездим к месту его гибели. Ладно?..

Зуев, еще не придя в себя, маловразумительно кивает головой, и мы ведем его под руки, словно скорбящая близкая родня, увозящая с кладбища. По дороге — на заднем сидении — он в окно не смотрел, и только прикрыв ладонями колени, уткнулся отрешенным взглядом впереди себя в одну — подвижную с машиной — точку. Может, что вспоминал или переосмысливал?

Мы пытаемся с капитаном отвлечь Николая от поглотивших его дум видами на будущие грибы и впечатлениями от прошлой рыбалки, но он все также продолжает хранить тягостное молчание. И только в тот момент, когда мы все качнулись вперед, услышав скрип тормозов, он как будто самому себе тихо произносит: «Все. Приехали...»

От дороги мы углубляемся в лес, огибая следом за Беркутовым заросшие травой воронки и оплывшие от времени, растворенные нашими поисковиками одиночные окопы. Возле одного из них мы с капитаном, без всякой на то команды, снимаем фуражки. Черное пятно изрытой земли вокруг глубокой ложбины в центре — это все, что осталось от позиции погибшего здесь воина. Красноармейца Василия

Широкова...

И памятной вехой на краю его давно заброшенного окопа стоит небольшая березка со стройным берестяным стволом и недавно проклюнувшейся нежной листвой. Выросла, красавица, на соках земли и солдатской крови.

Беркутов, немного обождав, спрыгивает вниз с прихваченной из машины саперной лопаткой, и Зуев с недоумением смотрит на меня. Но я молчу, по заведенной традиции, зная, что делает сейчас капитан на дне окопа. Так уж у нас повелось — отдавать родственникам оставшиеся здесь и не забранные нами в свое время реликвии: гильзы, пряжки, осколки и даже пуговицы. Чтобы потом они помнили...

Спустя время раздается несдержанный возглас, как признак тревоги в нависшей тишине, и выпрямившийся Беркутов смотрит на меня из окопа растерянными глазами. «Что такое?!...»

Я закрываю спиной от Зуева протянутую ладонь капитана, на которой покоится предмет его крайнего беспокойства.

«Так, понятно. Подобное у нас случается...»

И незаметно от Зуева я принимаю в руку окаменевшие и холодные на ощупь позвонки. Всего два, — которые мы не нашли при проведении раскопок из тех трех сотен костей, составляющих вместе одного человека.

Я обескуражен, чувствуя чуть ли ни в затылок дыхание живого, родственного этому праху человека. «Как быть?..»

Повернувшись лицом к Зуеву, срывающимся от волнения голосом я говорю ему то, что обязан был теперь сказать:

— Коля, прости нас, но это твой дядя...

И вкладываю позвонки в его безжизненно повисшую руку. Зуев, еще не постигая, расширенными глазами смотрит на ладонь и только мертвенно бледнеет. Но через секунду, будто заново обретая память, с его дрожащих губ слетает мучительный выдох: «Дядя Вася?!...»

А, после, прижав руку к груди и обняв другой ствол дерева, он медленно сползает вниз, становясь на колени. И хрупкая береза, наклонившись от непосильной тяжести, дрожит вместе с ним в запоздалых рыданиях, роняя свой зеленый лист на обожженную когда-то землю...

ПОЗДРАВЛЯЕМ С 55-ЛЕТИЕМ

СПАЯТЬ ЛЮБОВЬЮ

О Юрии Павлове и его новой книге

Андрей БЕЗРУКОВ,
доктор филологических наук,
профессор кафедры литературы и
методики её преподавания Армавирской
государственной педагогической академи

Юрий Павлов — выпускник Кубанского университета конца семидесятых, сотрудник редакции журнала «Кубань» на пике его всесоюзной популярности конца восьмидесятых, создатель южнорусской литературоведческой школы, организатор Международных Кожинских конференций на базе Армавирской педагогической академии, доктор филологических наук, защитившийся в Краснодаре, профессор, десять лет заведовавший кафедрой литературы вуза краевого значения. Провинциал, одним словом. И гордится этим: «Для меня отличное образование — пустой звук, московская денационализированная интеллигенция — раковая опухоль России, а слово «провинциал» похвала». С той же провинциальной «непочтительностью» Ю. Павлов «ограничивает» свободу интеллигента, «человека мыслящего», требованиями «морального консерватизма», а «высокую» интеллигентскую правду «побивает» правдой «низовой», народной. Если же портрету критика-провинциала придать местный колорит, получится такая вот картина: с шашкой наголо (или с пикой наперевес) с кубанским кавалерийским задором бросается он искоренять «крамолу».

Не берусь подсчитывать процентный состав крови Ю. Павлова, поскольку знаю, что свою «национальную прописку» он проводит «не по крови, а по душе» (Н. Гоголь) — по линии духовной принадлежности: русский значит православный, православный значит русский. А степень своей национальной идентичности определяет как амбивалентно русскую. В такой самооценке я вижу проявление одной из характерных черт

«морального консерватизма» Ю. Павлова — повышенную нравственную требовательность к себе.

В аннотациях к данной и предшествующей («Критика XX– XXI вв.: литературные портреты, статьи, рецензии». — М.: Литературная Россия, 2010) книгам литературоведения и критика особо оговариваются «неожиданность» его взгляда на литературу, «нетрадиционность» его трактовки поэзии, прозы, публицистики XX века. Очевидно, что «неожиданный» — русский — взгляд, «нетрадиционная» — «правая» — трактовка большинству читателей покажутся таковыми в силу долгого, губительно долгого господства в нашей науке и нашем образовании гуманистического (антрополоцентристского) подхода во всех его «ипостасях» — демократической, марксистской, либерально-общечеловеческой и др. — к осмыслению и освещению литературного процесса.

Давно уже пришло время (и хочется верить, что оно еще не упущено) утверждения именно такого — русского — взгляда, именно такой — «правой», консервативной — трактовки как адекватного ответа на сущностные запросы нашего бытия, как следования верному (не ложному) вектору русской национальной православной духовности, выведенному тысячу лет назад митрополитом Иларионом в «Слове о законе и Благодати». «Прогресс истинный, — подчеркивал еще А. Хомяков, — есть и истинный консерватизм» («О современных явлениях в области философии»).

Необходимость такого утверждения остро осознавалась не одним поколением носителей русской мысли — от старших славянофилов до М. Лобанова, В. Кожина, Ю. Селезнева, Ю. Лощица... К ним на рубеже XX– XXI вв., в самый решающий период борьбы за русскость, активно присоединился Ю. Павлов. Он не боец-одиночка

и, конечно же, не витязь на распутье. Укорененный в русской литературной и — шире — народно-православной традиции, он прочно закрепился на вверенном ему рубеже обороны русской крепости, который может и должен стать плацдармом для наступления по всему фронту.

Как историк литературы и литературный критик Ю. Павлов достиг той должной степени «народности познающей мысли» (Ю. Самарин), которая позволила ему, с опорой на национально-православную иерархию ценностей, выделить и применить на практике комплексный критерий оценки творчества как художника слова, так и учёного, критика. Исходя из этого, метод Ю. Павлова я назвал бы духовно-синтетическим.

Защита «русской твердыни» — Православия — всегда начиналась с защиты семьи, дома, малой и большой родины, исторической России, «твердыни народной морали» — тех вековых духовно-нравственных устоев и традиционных семейно-бытовых ценностей, которыми жила и живет, которые сохраняет и утверждает русская литература. В этом ее предназначение, ее красота и величие, в этом ее всемирная значимость.

Для Ю. Павлова Родина, народ, русское художественное слово — понятия традиционно духовные, а народ и писатель являются «двумя участниками житнетворческого процесса». Поэтому, определяя или уточняя идейно-творческие координаты писателя или критика, он всегда готов «раздвинуть рамки разговора» до русской литературной традиции, разрыв или полемика с которой равнозначны разрыву или полемике с народно-православными идеалами. Русский же писатель реализует себя через «русскую триаду» — Родина — народ — Бог, — где высшая духовность — Православие, высшая ценность — Отечество, высшая правда — народная. В данной системе духовных ценностей писатель и его герой лично

обретают и утверждают себя. Как формулу «во всех отношениях точную и обязательную для любого русского писателя <...> до тех пор, пока существует народ как таковой» Ю. Павлов приводит слова Л. Бородин: «Соотносить личный поиск истины с ее идеальным образом, который несомненно присутствует в народном сознании, который я должен и обязан принять, а не конструировать его из социальной конъюнктуры» («Леонид Бородин: «наказанный» любовью к России»).

Традиционные национально-православные идеалы, по Ю. Павлову, — вот та единственно верная (должная) «точка отсчета, мерило чувств, событий, жизни» для русского писателя, литературоведа, критика — любого русского человека. Тогда даже в самые тяжкие минуты жизни «чувства и мысли, свидетельствующие о наличии высокого духовно-нравственного идеала», «просвечивают, как солнце сквозь тучи» («Сергей Есенин: «Я хочу быть желтым парусом...»).

Если художественное произведение рассматривать сквозь призму христианских ценностей, русской литературной традиции, тогда, убежден Ю. Павлов, никакие ссылки на художественную условность и образность, никакие эстетические фантазии литературоведов и критиков, их указания на намерения или слова-признания автора не смогут завуалировать действительную мировоззренчески-личностную позицию писателя. Только поступок автора или героя, считает Ю. Павлов, поступок как «подтверждение серьезных и глубоких чувств», может отделить лицо от личины, естество от искусственности. Поэтому полупактам и видимости аргументации технологии мифотворчества он противопоставляет факт-поступок.

На уровне мысли — чувства — поступка автора и его героев Ю. Павлов фиксирует

ЮБИЛЕЙ

множество различного рода фактов. И каждый (или почти каждый) из них – из разряда тех, которыми, по словам Ф. Достоевского, «многое объяснить можно».

Приведу один такой факт из статьи «Дмитрий Быков: Чичиков и Коробочка в одном флаконе» («Критика XX– XXI веков»).

Сперва констатация автором данного факта из романной действительности («Доктор Живаго» Б. Пастернака): «Юрий Живаго, когда заболел его сын в Москве, всю ночь беседует с друзьями о «высоком», даже не пытаясь достать ребёнку необходимое для лечения молоко».

Теперь комментарии и оценка критика: «Конечно, вспомнить свидетельство-оправдание Б. Пастернака о непрерывной стрельбе на улице. Однако если ты настоящий мужчина, отец, то стрельба тебя не должна останавливать, ну а если ты трус или трусоват, эгоист или эгоистичен и не можешь (или не хочешь) подвергать свою жизнь опасности, то гораздо человечнее, родственнее находиться рядом с ребёнком или хотя бы не заниматься в данный момент «плетением словес», словоблудием».

Что этот факт «объясняет» Ю. Павлову? Первое. Юрий Живаго бездетен при живом ребёнке. Бездетен на уровне сознания, бездетен в поступке – бездетен по своей сути. Второе. Утверждения ряда разных авторов о «жертвенности», «христианской составляющей личности» Юрия Живаго надуманны, а сам герой – «классический образчик эгоцентрической личности».

Юрия Павлова прежде всего, даже почти исключительно, волнует «русский вопрос»: проблема русской национальной, духовной и культурной самоидентификации, русской и – шире – православной цивилизации, проблема «русского времени», которое останавливается... почти остановилось. Объективная констатация данного факта переводит традиционную «русскую печаль» Ю. Павлова в нестерпимую «русскую боль», придает его книгам, его творчеству в целом, всей его жизни пафос духовного ратоборства.

Ю. Павлов последовательно проводит линию водораздела между русскими и русскоязычными писателями. Проводит так четко и ясно, что только зашоренный гуманист или страдающий либеральным дальтонизмом не увидит очевидного: деление литературы на русскую и русскоязычную не есть очередная попытка очередного «асфальтового» националиста навести «русский порядок» в мире свободного самоценного художественного слова. Это ответственная аргументированная констатация сложившегося положения вещей.

Отношение к России – вот, по Ю. Павлову, главная линия разъединения, «проходящая сквозь сердца и души». Россия для русских писателей – «абсолютная ценность», любовь к ней – «естество личности, данность, которая сильнее любых обстоятельств и самого человека», самой смерти. Для писателей русскоязычных Россия, как правило, – «лицетворение убожества, отсталости, объект отрицательных эмоций», «тутошная» страна, виноватая даже самим фактом своего «рабского» существования перед любой «самостийной» (вплоть до ублюдочности) «личностью». А как исключение – отстраненно-непонятное, эстетически безликое (а значит – безличностное) природно-антуражное пространство.

Ю. Павлов как бы предлагает русскоязычным авторам, названным и неназванным, им: пожалуйте, самореализуйтесь, самоутверждайтесь, мононаслаждайтесь, заголяйтесь и обнажайтесь, наконец! – но не смейте издеваться над Россией и русским народом, не смейте унижать и осквернять его историю и культуру, его традиции, православные ценности его. И не наводите тень на плетень – не присваивайте себе чуждое вам и неподъемное для вас титло русского писателя. Не внемлют! Поэтому перед критиком встает задача (мягко говоря, не из приятных) вывести русскоязычного автора на чистую воду, стереть позолоту русского языка со свиной кожи.

*Да, позолота вся сотрется,
Свиная кожа остается!*

В условиях стремительного сокращения русского времени ожидание момента, когда позолота сойдет сама по себе и кусок свиной кожи, как в сказке Андерсена, превратится наконец в грязный комок – смерти подобно. Поэтому Ю. Павлов всемерно ускоряет этот процесс.

Так, он жестко фиксирует как проявляющуюся наглядно, так и скрытую, «растворенную» в тексте иудейскую, ветхозаветную правду Д. Рубина («Дина Рубина: портрет на фоне русскоязычных писателей и Франца Кафки»), чтобы, во-первых, показать, насколько она, эта правда, полярно противоположна правде Нового Завета, правде Христа, а значит – правде русского, православного в своей сути народа. А во-вторых, и как следствие первого, что эта правда утверждается писательницей за счет унижения (а как же иначе!) русского человека, русской государственности, России как таковой. И конечно же за счет прямого унижения русского литературного языка – «узаконивания» в нем неформальной лексики.

А вот говоря о «затянувшейся попытке» О. Мандельштама «мучить себя по чужому подобию» («Заметки на полях

мемуаров и статей Станислава Куняева»), Ю. Павлов, на мой взгляд, проявляет несомненное сочувствие-жалость по отношению к поэту, который тщетно пытался примерить на себя одежды русской державности, изначально чуждой как его природной иудейской ментальности, так и приобретенной им на ее основе «общечеловеческой отзывчивости».

«Нас будет интересовать, как на уровне чувств, мысли А. Блок решает проблему человека. Начнём с темы любви», – так начинается статья, открывающая и блоковский цикл, и саму новую книгу Юрия Павлова.

Следующий герой книги – Марина Цветаева: «Любовь в жизни и стихах, любовь в самых разных её проявлениях дает ответы на многие вопросы, которые уже прозвучали и еще могут прозвучать».

Далее – Сергей Есенин: «Периодически же возникающая в жизни и творчестве С. Есенина апостасийность всегда преодолевается, побеждается русско-православным началом, слободается любовью».

Затем – Владимир Маяковский: «Обратимся к любви как

Ю. Н. Павлов

фактору литературы, как к показателю духовного уровня личности героя и творца»...

Очевидно: центральная проблема книги – «человек и время» – вынесенная в ее название, решается Ю. Павловым с позиций православной духовности в аспекте мироотношения и жизнедеятельности авторов и их героев. А их личностная крепость и значимость определяются и поверяются им любовью. Если русский художник, по утверждению Ю. Павлова, пишет «незамутненной» частью души, значит, эта ясная, светлая ее часть освещена и согрета лучами христианской любви. Берусь утверждать, что сам литературовед и критик нашел и реализует себя творчески в любви и через любовь – сущностно (онтологически), этически, эстетически, но всегда – действенно, подвижнически-делательно. Иногда по-русски максималистски-требовательно, даже жестко, когда сталкивается с эвдемонически-индивидуалистическим «пиришеством духа», закономерно переходящим то в «высокое» человеконенавистничество, то в скотское «торжество плоти».

В свободном единении на основе христианской любви русская мысль традиционно видела залог самостоятельной личности и народа в незыблемых границах Отечества – духовного и мирского, Святой Руси и России. С позиций Православия такой естественный для нас синтез единства и свободы обосновывал А. Хомяков, особо указывая на невозможность его достижения западноевропейской жизнью как проявления католического единства без свободы или протестантской свободы без единства. (Думаю, состоянию жизни современного Запада, взятой нашими «детскими эманципаторами» в качестве «общечеловеческого» эталона, адекватно отвечает формула другого русского славянофила, К. Аксакова – «рабство свободе».) Этот синтез художественно утверждала русская классика, начиная с Пушкина. Его как русскую – на все времена – альтернативу Западу выдвинул Ф. Тютчев в стихотворении «Два единства»:

*«Единство, – возвестил оракул наших дней, –
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
А мы попробуем спаять его любовью –
А там увидим, что прочней...»*

«Спайка» любовью традиционно проводилась и проводится русской литературой – носительницей, по точному определению Ю. Павлова, «вертикально-духовного взгляда» на мир и человека – снизу вверх. И прежде всего, с возвращения-приобщения (или с осознания-осмысления своей неотрывной корневой принадлежности) к «низовой», народной правде на семейно-бытовом, «домашнем» уровне. Именно здесь духовно-нравственные начала национальной жизни проникают в плоть и кровь русского человека, претворяются в повседневность его забот и трудов, чаяний и поступков.

Ю. Павлов прекрасно понимает (или, возможно, интуитивно чувствует): говоря о любви, должно находить те слова и определения, которые фокусируют в себе теплоту, боль и радость человеческих переживаний, выявляющих сущность этой высшей для личности категории, единственно придающей смысл человеческому пребыванию на земле. Поэтому в статье об Игоре Дедкове («Игорь Дедков как русско-советско-либеральный феномен»), которого автор называет одним из самых «семейных» критиков XX века, особо подчеркивается: «Именно чувства ребенка, культура ребенка не хватает в работах современных критиков любых направлений. Они мир, человека ощущают, произведения оценивают как бездетные по сути мужчины и женщины».

(Вообще, на мой взгляд, самыми проникновенными павловскими статьями являются: об Игоре Дедкове в книге «Критика XX– XXI веков» и о Юрии Казакове в книге «Человек и время в поэзии, прозе, публицистике XX– XXI веков». Думается, не случайно каждая из них завершается теплым, любовно-человеческим, лирически откровенным постскриптумом.)

Чувство (идея, культ) ребенка, семьи, дочерне-сыновья любовь, сестринско-братские отношения, любовно-родительские чувство и правда отцовства-материнства и противостоящее им безлюбовно-холодное чувство индивидуализма-сиротства – вот понятия, которыми оперирует сам Ю. Павлов, выявляя и утверждая объединяющую, просветляющую силу любви.

Так, неожиданно-ожидательно, как сказал бы Ю. Павлов, в статью о М. Цветаевой («Душа и тело, или Штрихи к портрету Марины Цветаевой»), поэтессе, воспевающей, по мнению литературоведа, небожительство, избрничество, любовь-гору как любовь вне семьи, любовь-страсть, афиширующей ущербность своего материнского чувства, включен анализ стихотворного цикла «Лебединый стан». На первый взгляд, он явно «выламывается» из общей концепции автора статьи. Однако сам Ю. Павлов, верящий в силу «скреп» любви, показывает и доказывает: срощеясь, казалось бы, с душой поэтессы чувство индивидуализма-сиротства вынуждено здесь уступить свое место чувству любви к Родине, которое обостренно проявляется в момент национальной катастрофы. Тогда события революции и гражданской войны в России осознаются и оцениваются поэтессой и как личная, личностная трагедия.

Женщина, считает Ю. Павлов, несет в себе высшее человеческое – материнское – начало (и даже – по мнению Л. Бородин, которое Ю. Павлов специально приводит и, думаю, полностью разделяет – в то мгновение, когда она впервые берет на руки рожденного ею ребенка, – начало Богоматери). Поэтому женщина достойна прежде всего уважения, преклонения, любви духовной. Если же в чувствах мужчины духовная составляющая отсутствует или близка к нулю, значит, он просто не способен на любовь: ни к женщине, ни к матери, ни к детям, ни к Родине. Ни к кому, кроме как к самому себе в специфической «трогательности» ее проявлений: к своему здоровью (как в повести В. Личутина «Домашний философ»), к своей творческой миссии (как в рассказе Ю. Казакова «Адам и Ева»), к своей стареющей похотливой плоти (как в романе С. Есенина «Марбург») и пр. Такая бездетная, бессемейная, бессыновья, безотцовская, бездомная, блудливая, подгоняемая бесом страсти «любовь», считает Ю. Павлов, не просто становится тормозом на путях развития личности (в своей новой книге он дважды приводит дневниковую запись Л. Толстого: «ужасный тормоз – любовь к себе»), но «приближает человечество к самоуничтожению, гибели».

Исходя из традиционной национально-православной шкалы ценностей, Ю. Павлов особо подчеркивает, что «человека делает человеком, индивида – личностью <...> – собственно любовь, то есть жертвенная любовь».

Только из ответной реакции на человеческое горе, только из боли и сострадания (а значит – из собственно любви), считает Ю. Павлов, вырастает настоящий русский писатель. Добавлю – и настоящий русский литературовед, критик, публицист тоже.

По силе научной аргументации, умению «мыслить в фактах» Юрий Павлов близок Вадиму Кожинуву, по наряду русского чувства – Юрию Селезневу, по верности традиционной правде – Михаилу Лобанову, по мужеству, негибимой преданности Отечеству – каждому из них и другим представителям когорты русских воинов на Третьей мировой – Валентину Распутину, Василию Белову, Леониду Бородину, Юрию Ложицу, Станиславу Куняеву, Владимиру Бондаренко...

НАМ ПИШУТ ЧИТАТЕЛИ

Мария Смирнова
Кропоткин

Напасти рукой отведу

Оградилась от мира.
Дверь на ключ – и одна!
Моя крепость – квартира.
В ней покой, тишина.
Здесь людские интриги
Не коснутся меня!
На столе – книги, книги.
С ними счастлива я.
Мало нужно для счастья –
Быть с собою в ладу!
Дверь на ключ – и напасти,
Я рукой отведу!

* * *

Он принёс свежий запах мороза,
И, войдя, торопясь, закурил,
И внезапно открытку с розами,
Покраснев, на мой стол положил:

«Не забыл я, ты розы любила,
Им в морозную стынью не цвести,
Жаль, другая зовёт меня милым,
На минутку зашёл я, прости!»

И сказал, что вот-вот электричка,
Сигарету в руке притушив.
Раздражая, за стеной певичка,
Напевала знакомый мотив.

«Ты зачем приходил?» Он плечами
Передёрнув, вздохнул невзначай,
И сказал: «Просто снишься ночами!
Ухожу, виноват я, прощай!»

Хочу человеческого счастья

Устала от тревог и от забот,
В судьбе моей случайного участия.
А за окошком ветер крыши рвёт
И предвещает долгое ненастье.

А за окошком листьев мишура,
Стрижи летают низко, над землёю.
Кричит, стучит, смеётся детвора,
Увлечена весёлою игрою.

Забарабанил дождик по стеклу,
И сыро, и скучающе, и зябко.
Соседка к чаю принесла халву,
Накрыв тарелку голубою тряпкой.

Мы пили чай, смеялись мы до слёз,
И угощались сладким угощеньем.
А ты ромашек мокрых мне принёс
И, улыбаясь, ел моё печенье.

Устала от покоя твоего,
В моей судьбе случайного участия.
Мне от тебя не надо ничего.
Хочу лишь человеческого счастья!

* * *

Убегаю от глупых соседей,
Источающих бессердечность.
Я оставила б им напоследок
Добрых слов золотую вечность.

Убегаю в лес тёмный, дремучий,
Где когда-то блуждала, помню.
Над высокой, овражьею кручей,
Сладив с ветром, о счастье вспомню.

Здравствуйте, дорогая редакция!

Все пять лет существования газеты «Кубанский Писатель» являюсь её под-писчиком, и каждый номер – неповторим, интересен, волнует душу, заставляет о многом задуматься, помогает осмыслить заново, казалось бы, давно запавшее в память по учебникам истории, книгам, фильмам.

В июльском номере этого года таким материалом для меня стала статья Люд-милы Бирюк о Бородинском сражении.

Как это важно сейчас напомнить о столь далёком, почти романтическом для нас, сегодняшних россиян, времени! Писатель-историк делает это тонко, вдумчиво, зримо. И уже не романтика звучит в душе, а боль о погибших тогда людях. Слава им вовеки, так же, как и героям Первой мировой войны, и Великой Отечественной 1941–1945 гг.!

Насколько известно современным учёным-исследователям, при Наполеоне не было ни Хатыни, ни Михизеевой Поляны, но пролились реки русской крови, погибли храбрые и благороднейшие защитники нашей Родины, сгорела Москва. И были бы мы сейчас суверенным государством, были бы свободными, если б не собрали все силы для Победы? Думаю, нет. Писательница Людмила Бирюк с горячей любовью к Родине рассказывает обо всём, проясняя, приближая прошлое.

От всей души благодарю Людмилу Дмитриевну за это!

Новых творческих находок и удач редакции и замечательным авторам «Ку-банского писателя!»

**С уважением,
Евгения Журавлёва,
преподаватель музыки
г. Гулькевичи**

Да в хатёнке, со стареньким дедом
Я поплюю травяного чаю.
И его угощая обедом,
С ним по прошлому поскучаю!

Гладиаторы

Блестит на солнце сталь мечей,
И слышен стук сердец друг друга.
Встречай холодная подруга
Привратников твоих очей.

Коса твоих холодных рук
Горячих тел коснётся сталью,
Рабам, увенчанным печалью,
Дав избавление от мук.

Обречены мечам отдать
Плоть брентную свою на муки,
В залог сенаторской поруки
Твоя холодная печать.

Движенья быстры, прям их взгляд –
И нету дрожи, страха боя.
Уж лучше смерть, чем горький яд
Раба, невольника, изгоя.

Виктор Малахов
Кореновск

МАТЬ

Год сорок пятый, смолкли пушки
Идут защитники домой.
У Дона сына ждёт старушка,
Вздыхая шепчет: «Где же мой?»

Уже прошло с победой лето,
Ждёт сына осенью, зимой.
И в этот вечер его нету,
Плетётся, скорбившись, домой.

Когда все выплаканы слёзы
И ожиданьям вышел срок,
В тиши погоста под березой,
Вскопала свежий бугорок.

На крест могильный деревянный,
Цветов повесила венки.
В конце молитвы покаянной,
Сказала тихо: «Спи, сынок».

Домой шла долго ночью гулкой,
Без слез, утраченных за день,
Под лунным светом, переулком,
Шла тихо, крадучись, как тень.

И вдруг, как птица, встрепенулась,
Увидев в хате огонёк,
Из ниоткуда жизнь вернулась –
Надежды вспыхнул уголёк.

Святую радость не измерить –
Сын обнял мать рукой одной.
Она своим глазам не верит,
Что перед нею сын родной!

А в память всех родных и близких,
Пропавших без вести в боях,
Крест вместо камня обелиска
Стоит в берёзовых ветвях.

БАБЬЕ ЛЕТО

Изумруд полей озимых,
Голубые небеса,
Листья жёлтые на зиму
Наземь ссыпали леса.

Птицы песни перепели,
(В роще тихо стало вдруг),
Стаей дружно улетели
В страны дальние на юг.

Только слышится над речкой
Тайный шёпот камыша.
Это шёпот жизни вечной,
Чья-то в нём живёт душа.

Как прекрасно время это,
В осень спряталась жара.
Золотое бабье лето –
Паутинная пора.

ГОРОДСКОЙ ПЕТУШОК

Звучит петушиное пенье –
Живой предрассветный набат.
И слышит его на мгновение
Притихший московский Арбат.

И чудно мгновение это,
Когда городской петушок,
Увидевший гребень рассвета,
Топорщит лихой гребешок.

С гудками готов потягаться,
Которые слышит в ответ,
За жизнь деревенскую драться,
За звонкую горсточку лет.

Галина Рогонян
Сочи

Кто из нас...

Кто из нас несчастней, назови, –
Я, что потеряла двух детей,
Или ты, не знающий любви
В тягостном слиянии тусклых дней?

Хоть весна пожаловала к нам,
А дождей визиты стали часты.
Я душе своей солгать не дам:
Оба в этой жизни мы несчастны.

Телефонный звонок

Зазвонил телефон – в трубке голос
мужской
Говорит мне: «Ну как ты там, мама?..»
Но давно сын ушёл от меня в мир иной,
Кровоточит с тех пор в сердце рана.

«Это кто?..» – говорю я, волнуясь, в ответ.
И спросил голос: «Что, не узнала?»
Я ему отвечаю растерянно: «Нет»,
И дышать в этот миг перестала.

Затаила дыханье – а вдруг это сын...
В нашей жизни чего не бывает,
А на сердце январская страшная стын –
Замолчал голос... не отвечает.

Тишина... а затем побежали гудки,
Села я на диван и рыдаю.
Ох, зимой ночи длинные – дни коротки,
Как заснуть мне теперь, я не знаю.

Кто-то, видно, ошибся, а мне не до сна.
Под защитой ночного покрова
Просижу до утра на диване одна –
Буду ждать: позвонит, может, снова...

Всё повторяется

Скоро листопадная пурга
Сменится пургою белоснежной,
Будут песни тихо петь снега
О тоске холодной и безбрежной.
А когда нас известят ручьи
О весне, разбуженной капелью,
Солнца оживлённые лучи
Обласкают, обогреют землю,
Чтобы с наслаждением она,
Глубоко вздохнувши на рассвете,
Видя, как приветлива весна,
Утонула в майском разноцветье.